

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА / ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ОБИТАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-20.kwpk-5442

EDN: ZHDIVS

УДК 502.504.526

Г. В. ЕРЕМИЧЕВА, Г. А. МЕНЬШИКОВА, ПУЯН ЯО

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ФОРМИРОВАНИЮ АНТИРИСКОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Экологические проблемы во всем мире нередко оказываются техногенными и социальными вызовами. Среди стран, где эти проблемы стоят крайне остро, находятся Россия и Китай. Об этом свидетельствуют позиции обеих стран в международных рейтингах. В статье сопоставляются направления, реализуемые Россией и Китаем в сфере экологической политики, главной задачей которой является поддержание баланса интересов всех ее акторов и выработка антирискового национального поведения. В качестве методологической основы анализа достижений китайской и российской экополитики используется теория экологической модернизации, которая позволяет системно оценить инновации, определяющие социальную составляющую в каждой стране, обозначая главное — изменение сознания каждого человека. Проведенный анализ показал, что обе страны находятся в стадии перехода к качественно новому этапу: трансформации потребительского поведения в «ответственное», отвечающее требованиям мировой экополитики. Но достигнуть показателей международных рейтингов развитых стран им пока не удастся. Хотя в целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но их значения ниже среднего уровня. В статье делается вывод, что экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, о чем свидетельствуют заметные положительные сдвиги по экологическим показателям. Однако наблюдаемая пассивность общественного контроля предопределяет недостаточность успехов обеих стран, не давая возможность их правительствам в полной мере реализовывать имеющийся потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и всех жителей.

Ключевые слова: экологические проблемы, новые производственные задачи, управленческие практики, экологические рейтинги.

GALINA V. EREMICHEVA, GALINA A. MENSHIKOVA, PUYANG YAO

ENVIRONMENTAL POLICY OF CHINA AND RUSSIA: FIRST STEPS TOWARDS THE FORMATION OF ANTI-RISK NATIONAL BEHAVIOR

Environmental problems around the world often turn out to be technogenic and social challenges. Russia and China are among the countries where these problems are extremely acute, as evidenced by the positions of both ones in international ratings. The authors compares the directions implemented by these countries in the field of environmental policy. The main task is to maintain a balance of interests of all its subjects and develop anti-risk national behavior in most countries of the world. As a methodological basis for analyzing the achievements of Chinese and Russian environmental policy, the theory of environmental modernization is used, which allows to evaluate systematically innovations that determine the social component in each country, designating the main as change in the consciousness of each person. The analysis showed that both countries are on the transition to a qualitatively new stage: the transformation of consumer behavior into a “responsible” one that meets the requirements of world environmental policy. But they have not yet been able to achieve the indicators of international ratings of developed countries. Although, on the whole, in terms of “natural” indicators, Russia’s place is slightly higher than China’s, but all indicators are below the average level. Environmental concerns have become part of national policies in both countries, as evidenced by noticeable positive developments in environmental performance. However, the observed passivity from the side of public control predetermines the lack of success in both countries, preventing their governments from fully realizing their potential. The severity of the problem urgently requires the inclusion of government agencies, enterprises, charitable organizations and each person.

Keywords: environmental problems, new production tasks, management practices, environmental ratings.

Введение

Мировые экологические проблемы в настоящее время невозможно рассматривать локально, как одну из сфер социальной жизни различных стран или отдельных территорий планеты. Решение этих вопросов приобретает планетарный размах и требует глобального теоретико-методологического подхода, который учитывает объективные природные изменения и риски (участие) каждой страны в данном процессе.

Начиная с последней трети XX века мир столкнулся с такими экологическими проблемами, как интенсивное таяние льдов Северного Ледовитого океана, существенные изменения параметров течения

Гольфстрима, рядом крупных техногенных и природных катастроф (Субботин 2014). По словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, борьба с изменением климата, последствия которого становятся все более очевидными и разрушительными, должна стать приоритетом для человечества в XXI веке. Он указал: «Столь безответственное отношение к окружающей среде равносильно самоубийству. Природа всегда наносит ответный удар — и делает это с превосходящей силой и яростью». «В этих обстоятельствах, — говорит он далее, — пришло время радикально изменить характер отношений человечества с природой (...) и мы должны работать над этим вместе, поскольку солидарность в этом вопросе равносильна выживанию. Пусть понимание этого станет для нас главным уроком 2020 года»¹. Ученые и практики всего мира сходятся на признании необходимости формирования экологической этики — модуса правил поведения, обязательного для правительственных решений, деятельности предприятия и для поведения каждого жителя. На этом с середины XX века настаивали члены Римского клуба, к этому призывал известный ученый-естествоиспытатель Н. А. Вернадский.

Методология и методы исследования

Современная экологическая политика — сложный феномен, и может быть представлена в разных исследовательских парадигмах. Это позволяет рассмотреть ее через «взаимодействие различных экономических, политических и социальных субъектов, обладающих собственными интересами (ценностями), направленное на формирование и реализацию стратегии в сфере охраны природы и окружающей среды» (Аксенова 2006). Этими субъектами являются представители власти и бизнеса разного уровня, экологические неправительственные организации, наделенные населением правами и полномочиями по воспроизводству и развитию территорий с учетом сохранения и соблюдения их потребностей. Немалое значение в данном контексте приобретает степень чувствительности населения к работе органов власти и управления, их способности эффективно осуществлять возложенные на них обязанности. Сформировавшийся характер отношения населения к органам власти и управления, доминирование определенных оценок в общественном сознании оказывает непосредственное влияние на состояние

¹ Антониу Гутерриш. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. — 2021. — 21 апр.

социального климата, на особенности проявления социально-политической и социально-экономической конфигураций на отдельных территориях, в регионах и стране в целом (Аксенова 2006: 80–83).

Сутью экополитики становится поддержание баланса интересов этих сообществ, а экологического управления — достижение согласованности в ходе политического взаимодействия и выработки антирискового национального поведения в большинстве стран мира. Каждый из этих субъектов имеет свое конкретное место и функцию, обеспечивающую ее работу, а эффективность организации государственного управления в этой сфере определяется степенью свободы принятия решений субъектами всех уровней регулирования, то есть уровнем централизации (децентрализации), осуществляемых в этой области институциональных, организационных, социально-политических трансформаций (Аксенова 2006: 5–9).

Накопленный десятилетиями опыт исследований последствий экологических аварий и катастроф, загрязнений окружающей среды и изменения климата, а также формирование огромной базы статистического, теоретико-методологического, медийного материала свидетельствует о том, что одной из основных причин техногенных катастроф являются риски в промышленном секторе. В соответствии с курсом ООН на цели устойчивого развития (ЦУР) принято считать важным направлением процесса сдерживание интересов основных экономических и политических субъектов через определенное ограничение роста промышленности и ее инфраструктуры. Это достигается не только разработкой и внедрением современных технологий и инноваций, позволяющих сберечь ресурсы и являющихся менее разрушительными для природы, здоровья человека и окружающей его среды, но и серьезной экологической трансформацией общества, в том числе как проявление его институциональных изменений (Яницкий 2016: 23).

Значимость системных социальных изменений, а не только совершенствование технологических процессов закреплено в концепции экологической модернизации, которая появилась в 60-е годы, но вошла в научные разработки несколько позже, в 1980-е годы, в работы Й. Хубера (Huber 2020), Ф. Буттеля (Buttel 2000), А. Мола (Mol 2000) и др. Позднее авторы сфокусировали внимание на трудностях ее адаптации к постоянно трансформирующимся реалиям, что позволило их последователям отметить, что концепция экологической модернизации отражает «изменившиеся роли субъектов экополитики, интерпретируя их как институциональные трансформации, присущие определенному моменту развития общества, а не столько как причины и глубин институционального сдвига» (Аксенова 2006: 3–8; Кулясов 2015).

Концепция экополитики лучше других позволяет проследить динамику трансформации позиций двух государств, России и Китая, — субъектов экополитики, проанализировать изменения в их современном индустриальном развитии. Такие мощные страны, как Китай и Россия, безусловно, оказывают подавляющее влияние на экологическую политику в евроазиатском масштабе. При этом в процессе осуществления экополитических преобразований между этими странами можно обнаружить много схожего, вместе с тем в каждой отдельной стране наблюдаются свои особенности.

Особенности модернизационного процесса и формирование экополитики в Китае

Теоретико-методологические основания процесса модернизации и индустриализации начали разрабатываться в Китайской Академии наук в конце XX века. Ученые предложили два этапа (стадии) реализации этого процесса — первичный, отражающий индустриальную эру цивилизационного процесса, и вторичный, связанный с информационной эрой (или эрой знаний). Каждая из стадий включает фазы — начало, развитие, расцвет и переход к следующей стадии (He, Zhang 1999; He 1999). Предполагалось также, что результаты обоих этапов смогут интегрироваться в третью стадию модернизации. В ней завершится создание фундаментальных, системных, инфраструктурных (в самом широком смысле) предпосылок, а на базе сконструированных показателей могут быть сформулированы конкретные долгосрочные цели до 2100 года (Кудинова, Розенберг 2012).

Как национальная задача, модернизация Китая осуществлялась в рамках государственной концепции «социальной гармонии», которая, по замыслу руководства КНР, целостно связывает экономический рост, традиционные китайские ценности, современные цели развития и внешнюю политику страны, параллельно решая социальные проблемы, обусловленные быстрым индустриальным и экономическим ростом (Обзорный доклад... 2011). Эти задачи актуальны и в настоящее время. В резолюции XX всекитайского съезда КПК, прошедшего в 2022 году, за пятилетку 2020–2025 годов планируется в основном осуществить социалистическую модернизацию по основным направлениям инновационного развития, в том числе строительству «здорового Китая».

Сложность экологических проблем усиливается стремлением Китая сохранить мировое лидерство в сфере производства и экономики. В 2011 году США после 110-летнего лидерства по объему производства

в мире уступили место Китаю. В настоящее время страна производит чуть меньше трети мировой промышленной продукции, причем здесь собраны основные «грязные» виды производств: тяжелая и химическая промышленность. По мнению ученых, Китай взял на себя непосильную экологическую нагрузку (Обзорный доклад... 2011), за что расплачивается и сам, и мировое сообщество. Обвинения в экологической недобросовестности КНР звучат часто, правда, редко кто указывает, что сами страны Европы, особенно Норвегия, перенесли на китайские территории свои экологически опасные предприятия. Отметим, что КНР лишь в 2016 году ратифицировал Парижское соглашение о климате.

По европейским стандартам из 560 млн городских жителей только 1% может позволить себе дышать безопасным для здоровья воздухом. Загрязненность китайских рек сточными водами после сброса в них 75 млрд т отходов превышает норму более чем на 40%; свыше 20% рек загрязнены до такой степени, что они стали опасными для людей и животных; около 300 млн сельских жителей не имеют доступа к питьевой воде; средний объем водных ресурсов на душу населения в год составляет лишь 2100 куб. м, то есть около 28% средней мировой нормы; около двух третей китайских городов относятся к «нуждающимся в воде» (Jiang 2012).

В завершение описания общей ситуации в Китае приведем некоторые примеры из «Белой книги» — статистического справочника по экологическим проблемам. Начиная с 2016 года страна тратит около 300 млрд долл. в год на экологические проекты, 14 отраслей экономики предоставляют «зеленый» отчет. Экологическая комиссия регулярно проверяет предприятия на соответствие экологическим стандартам; введен спутниковый мониторинг вредных выбросов. В самой крупной промышленной провинции Гуандун ежегодно закрывается около 1000 предприятий, нарушающих установленные стандарты. С 2018 года повышены ставки налогов: за создание шума взимается ежемесячно от 350 (55,7 долл.) до 11 200 юаней (1,7 тыс. долл.); налог на производителей твердых отходов составляет от 5 до 1 тыс. юаней (0,7–160 долл.), за тонну диоксида серы — 0,22–0,25 долл. Ежегодно экологический налог приносит в бюджет около 50 млрд юаней, или 7,9 млрд долл. Нарушители наказываются. Так, в 2019 году суды Китая рассмотрели 36 733 уголовных дела в сфере экологии, что на 43,3% больше, чем в 2018 г.¹

¹ White Paper “Environmental Protection in China. 2006–2015”. Press Office of the State Council of the People’s Republic of China — Beijing, 2015. — 674 p.

Подводя итог, укажем, что за время своего пятидесятилетнего становления экологическая политика Китая претерпела существенные изменения: она стала более продуманной и системной. Пройдя путь от становления, когда были приняты основные законы, до этапа развития (в ходе которого внимание фокусировалось на поиске наиболее эффективных мер), Китай перешел к третьему этапу — созданию «экологической цивилизации». Однако, как это объясняется деятелями партии и правительства этой страны, в современных условиях им не удается в полной мере сконцентрироваться на решении экологических проблем, хотя этому процессу уделяется достаточно внимания (Тинтин 2017: 38; Миняева 2016).

Стержнем современного этапа видится глубина преобразований, которые должны охватить каждое предприятие, регион, стать основой поведения каждого человека. Действительно, предприятия Китая отличаются высокой энергоемкостью, ресурсоемкостью и высокими выбросами углерода на единицу ВВП. Энергопотребление перерабатывающей промышленности Китая составляет около 70% от общего потребления энергии в стране. Самая высокая доля приходится на отрасли с высоким энергопотреблением, такие как сталелитейная, цементная, цветная металлургия и автомобилестроение. В 2020 году 57% мирового производства стали и 58% мирового производства цемента, 57% электролитического алюминия и 32,5% автомобилей предопределили большой общий объем потребления энергии и высокую энергоемкость на единицу ВВП. Обработывающая промышленность Китая в целом находится в среднем и нижнем звене глобальной цепочки создания стоимости — здесь снизить интенсивность выбросов углерода (за счет корректировки структуры промышленности) гораздо сложнее, чем в развитых странах¹.

Премьер-министр Китая Ли Кэцян в правительственном докладе в 2020 году выделил четыре задачи по борьбе с загрязнением: усиление контроля за загрязнением воздуха в ключевых областях, ускорение перемещения опасных химических предприятий из городов в малонаселенные сельские территории; ускорение строительства очистных сооружений и расширение отрасли энергосбережения; защита окружающей среды. По его словам, Пекин продолжит сокращать потребление энергии и выбросы парниковых газов. Премьер-министр также заявил, что страна улучшит общие показатели в области очистки окружающей

¹ Report on the State of Ecology and Environment in China, 2017. — URL: <https://english.mee.gov.cn/> (дата обращения: 12.02.2023).

среды и сосредоточит внимание на правовом, научном и целевом контроле за загрязнением².

Нельзя забывать, что в условиях пандемии процесс экологии ушел на второй план. Восстановление бизнеса и производств, пострадавших от COVID-19, стало основной задачей на 2021–2022 годы. Впервые за 30 лет объем ВВП сократился на 6,8% с января по апрель (в годовом исчислении). Пандемия отрицательно повлияла на остроту экологических проблем. В Китае резко возрос объем мусора от упаковок. Это стало следствием двух причин: блокировки поставок грузов на границе, а также из-за ограничений на передвижение, вследствие чего людям пришлось более активно прибегать к заказу еды и предметов повседневного пользования.

Китай признает, что основные меры будут предприняты им позднее, что пока ситуация далека от норм, предлагаемых ООН и мировым сообществом. По-прежнему в структуре энергобаланса около 60% приходится на уголь. Именно выбросы угольных ТЭЦ, а не вредные производства, приводят к смогу над китайскими городами. Позитивный тренд есть, но он осуществляется медленно: с 2005 по 2019 год доля сжигания угля снизилась с 70 до 60%, хотя к 2030 году власти ожидают, что на уголь придется лишь 47% общего энергобаланса. На решение этой задачи направлены усилия в области альтернативной энергетики, а также российской газовой политики: «Сила Сибири», «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ». Это проекты, которые повысят обеспеченность Китая более экологичным природным газом.

Уже сейчас можно говорить о достигнутых успехах. Китай лидирует в использовании солнечной энергии, производя более трети ее мирового объема и обладая 2/3 всех мировых солнечных модулей. В 2018–2019 годах страна потребляла, соответственно, 45 и 50% солнечной энергии мира. К концу этих двух лет в стране было выработано, соответственно, более 175 и 195 ГВт энергии. Доля солнечной энергии в общем энергобалансе КНР к концу названных двух годов составляла, соответственно, 3 и 4,5%. Примечательно, что в декабре 2018 года солнечная батарея мощностью 500 МВт в Цинхае стала первой в Китае, на которой производство электричества оказалось дешевле, чем на угольных ТЭЦ. На момент весны 2020 года в разработке находились еще 30 проектов по введению в эксплуатацию производств, работающих

² Ли Кэцян. Доклад о работе правительства в 2020 году, представлен 22 мая 2020 года на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва. — URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0605/c95181-9697762.html> (дата обращения: 10.03.2023).

только на солнечных батареях. Однако у этого источника энергии есть проблема, как ни парадоксально, связанная с загрязненным климатом. Из-за вечного смога в крупных городах лучи солнца менее эффективно проникают на батареи, поэтому практически они не способны работать на полную мощность. В среднем потери от недостачи энергии оцениваются в 17–35%, при этом, чем восточнее располагается производство, тем этот показатель выше. Например, провинция Хэбэй является самым загрязненным регионом, и здесь солнечные батареи недополучают энергии на 30–35%.

Другая сфера успехов Китая — использование силы ветра. На страну приходится две трети общемирового потребления ветрогенерации. По состоянию на конец 2018 года Китай выработал около 217 ГВт ветряной энергии. Он лидирует по количеству ветряных установок. Так, за 2018–2019 годы количество энергии, добытой с помощью ветра, увеличилось на 20 и 27 ГВт соответственно. Доля ветроэнергетики КНР в общем энергетическом секторе составила в названные два года, соответственно, 5 и 6,8%. По плану, с 2016–2020 годов Китай должен был нарастить производство чистой ветряной энергии до 340 ГВт. Это составит почти четверть от общего количества требований по выполнению Парижских соглашений (всего объем генерации из возобновляемых источников энергии должен достичь 1119 ГВт).

Таким образом, по плану Правительства, доля возобновляемых источников энергии должна составить 15%, а угольных — сократиться до 58%. Лидерство Китая в создании источников возобновляемой энергии отражено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение регионов по производству возобновляемых источников энергии: производство по источникам в 2019 году в тераватт-часах¹

Территория / тип ВИЭ	Ветер	Солнце	Другие виды	Всего по ВИЭ
США	303,1	108,4	78,3	489,8
Китай	405,7	223,8	102,8	723,3
ЕС	430,7	138,4	199,1	768,2

¹ *Матвеев В. А.* Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2021. — № 26. — С. 37–351.

В целом реформы, проводимые в качестве новой экологической политики в Китае, проходят в позитивном ключе. При этом китайское Правительство с уверенностью заявляет, что данная работа ведется не ради достижения определенных показателей, а для повышения качества жизни граждан и будущих поколений.

Экологическая политика и современные проблемы России

Россия располагает уникальным преимуществом: имеет самую большую в мире территорию — свыше 17 млн кв. км, но на ее значительной части — 11 млн кв. км, то есть около 65%, располагается крупнейший массив некультивируемых земель (Субботин 2014: 36).

Анализ основных официальных документов, регламентирующих направления экологической политики России, позволяет выделить как минимум три этапа этого процесса. Первый — его можно ограничить 1996 годом — выражался в признании значимости экологических проблем, но не предлагал путей и механизмов их разрешения. Второй — частично он инициировался ЦУР и необходимостью правительственного признания мер ООН — несколько конкретизировал направления политики РФ, обозначил отдельные пути ее решения: введение ответственности предприятий, создание системы платы за отходы, поощрение передовых технологий производства, минимизирующих выбросы, и т. д. Третий — начиная с 2017 года — основан на переходе от слов к делу: был разработан и внедряется план действий; расширяется публичность информационного поля, создаются открытые мониторинги; общественность стала допускаться к экспертизе проектов; экология становится обязательным предметом обучения в вузах. Страна начинает переходить от потребительского поведения к ответственному. При этом, несмотря на множественность разрабатываемых в последние два-три года на разных уровнях управления актов признания важности данной проблематики и необходимости закрепления обязанностей государства, в том числе по финансированию экологических мероприятий, Экологический кодекс, который уже разработан, до сих пор не принят. Дискуссия по проблемам и уточнениям положений кодекса в полной мере отражена в статье П. Д. Пименовой (Пименова 2021).

По мнению А. К. Субботина и других исследователей, в экологической политике России до недавнего (2022 год) времени сложились и параллельно действовали две тенденции. Первая — признание международных договоров и проявление активности в области

международной экологической политики. Россия была среди стран, подписавших следующие знаковые документы: Решения Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992); Программу действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век (принята Генеральной Ассамблеей ООН, 1997); Решения и Декларацию Конференции министров «Окружающая среда для Европы» (Люцерн, 1993); Министерскую декларацию и материалы Конференции министров «Окружающая среда для Европы» (София, 1995), Программу действий по охране окружающей среды для Центральной и Восточной Европы, а также Межправительственное соглашение стран — членов СНГ от 08.08.1992 года «О взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды». Ею выполняются решения Международной конференции по проблемам глобального потепления (Киото, 1997). Правительством РФ принято более 45 различных постановлений в области международного природоохранного сотрудничества.

Вторая тенденция — минимизация усилий внутри страны. Это объясняется тезисом: «Экология — удел богатых, а у нас есть другие более насущные проблемы»¹. Это ошибочное мнение давно опровергнуто, хотя, по сути, сохраняется. Так, по оценкам Всемирного фонда дикой природы, Россия ежегодно теряет около 1 млрд долл. из-за нелегального экспорта древесины. Ежегодно 16 млн га леса уничтожаются в результате вырубок, пожаров и загрязнения окружающей среды. Неэффективные рубки приводят к тому, что 40% срубленных деревьев не используется в дальнейшем. Расточительное потребление и использование электроэнергии вместе с использованием топливных полезных ископаемых при ее производстве ведут к многочисленным экологическим проблемам. 68% российской электроэнергии производится путем сжигания ее топливных полезных ископаемых, хотя обновление топливно-энергетического комплекса могло бы содействовать уменьшению выбросов углекислого газа на 24% с экономией около 1 млрд долл. ежегодно².

Эти данные подтверждаются и исследованиями ВЦИОМ — ведущего исследовательского центра страны, который проводит массовые опросы населения по различным аспектам экологической политики. Исследователями установлено, что «только 27% наших сограждан считают,

¹ Кто будет заботиться об экологии России? Свертывание федеральных экологических программ // ООПТ России. — 2013. — 15 янв. — С. 1–14.

² Environmental issues in Russia. 2015. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Environmental_issues_in_Russia (дата обращения: 13.03.2022).

что большинство людей в России делает достаточно для решения экологических проблем»; 68% полагают, что оно «скорее ничего для этого не делает». Более половины россиян (58%) декларируют, что «за последний год они или члены их семей делали что-то для решения экологических проблем», а 38% признаются, что «ничего не делали в этой сфере». Среди тех, кто что-то делал, 38% убрали за собой мусор на природе, 31% сортировали его при утилизации, 19% высаживали деревья и цветы, 16% не мусорили, 10% организовывали или принимали участие в субботниках. На вопрос анкеты: «Каким правильным экологичным практикам Вы следуете?» (назвать топ-5), самыми распространенными оказались следующие: 84% ответивших в 2020 году стараются всегда использовать энергосберегающие лампочки (79% в 2019 году); 76% экономят воду в быту (74% в 2019 году); 45% сортируют бытовой мусор (27% в 2019 году); 41% стараются не использовать личный автотранспорт; 39% сдают в специальные места опасный мусор (батарейки, электронику, ртутные лампы) (23% в 2019 году)³.

Для более четкого представления положения Китая и России в мировом рейтинге по характеристикам экологического мониторинга сравним их позиции и сопоставим с показателями Дании (мирового лидера) (см. табл. 2).

Представленные данные позволяют сделать вывод, что в целом ситуация в России выглядит более благоприятной, что частично объясняется, во-первых, традициями СССР, обращавшего внимание на экологические проблемы, и во-вторых, сокращением производства, имевшим место с начала XXI века. Как было отмечено выше, экономические, а точнее, производственные успехи Китая обернулись для него негативом — серьезными экологическими проблемами. В любом случае, обе страны далеки от лидерства, о чем свидетельствуют показатели Дании. Особенно сложной в Китае является ситуация с поддержкой биоразнообразия, защитой животных, в том числе от вымирания отдельных видов, сохранением привычной природной среды для животного мира, где страна находится в нижней части мирового рейтинга. В России к этим зонам кризиса можно добавить сохранение рыболовства. Хотя в целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но во всех случаях они ниже среднего уровня.

³ ВЦИОМ «Экологические практики в жизни россиян». Аналитический обзор. (28.09.2021). [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения: 13.03.2022).

Таблица 2

Характеристики экологической ситуации в Китае, России и Дании: место в рейтинге, индекс восприятия остроты проблемы, динамика изменений за 10 лет¹

Характеристики	Китай			РФ			Дания		
	Место	Индекс	10 лет	Место	Индекс	10 лет	Место	Индекс	10 лет
Индекс восприятия (Epi Score)	120	37,3	8,4	58	50,5	3,9	1	82,5	7,3
Здоровье	96	41,8	5,5	57	53,0	8,0	8	91,7	5,7
Качество воздуха	137	27,1	6,7	47	54,1	14,1	13	85,5	8,8
Качество воды	54	59,4	4,6	65	55,4	1,0	13	97,4	2,5
Управление отходами: – Ecosystem vitality (живучесть)	156	34,4	10,5	72	48,8	1,1	1	76,4	8,4
– Биоразнообразие	172	19,0	–0,8	111	54,1	–0,6	31	81,7	0,6
– Размер защищенных прибрежных вод	85	1,6	0,2	51	18,0	–	1	100	–
– Индекс среды обитания видов	127	72,2	23,9	112	22,55	1,6	33	93,4	–2,0
– Индекс защиты видов	150	10,4	0,2	61	89,5	–7,8	1	100	–
Управление экосистемой	90	34,3	–0,2	113	28,6	–5,0	108	30,2	4,4
Рыболовство	31	18,0	1,1	133	4,3	0,4	62	13,2	0,6
Изменение климата	103	46,3	24,5	57	59,9	4,6	1	95,0	19,6
Выбросы загрязнения	91	58,6	12,3	50	81,0	–11,6	1	100	–
Степень очистки воды	67	9,4	–	58	18,5	–	1	100	–

¹ Источник: Eco rating. China, Russia, Denmark. — URL: [https://epi.yale.edu/epiresults/2020/country/chn\\$](https://epi.yale.edu/epiresults/2020/country/chn$); <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/rus>; <https://epi.yale.edu/epi-results/2020/country/dnk> (дата обращения: 17.02.2022).

При этом нельзя не отметить положительных сдвигов. Экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, в которых не только принимаются решения, но уже и видны первые успехи: стали чище реки, сокращаются выбросы вредных газов в атмосферу². Однако пассивность общественного контроля предопределяет недостаточность успехов обеих стран, давая возможность правительствам не в полной мере реализовывать свой потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее всех: государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и каждого из нас. Пока же согласимся с оценкой П. М. Мозиаса, что экологическую политику наших стран характеризует выражение «вверх по лестнице, ведущей вниз» (Мозиас 2016).

Заключение

В статье сопоставлены направления, реализуемые Россией и Китаем в сфере экологической политики, главной задачей которой является поддержание баланса интересов всех ее субъектов и выработка антирискового национального поведения. В качестве методологической основы анализа достижений китайской и российской экополитики была использована теория экологической модернизации, которая позволила системно оценить инновации, определяющие социальную составляющую в каждой стране, делая акцент на изменении сознания и поведения каждого человека.

Проведенный анализ показал, что обе страны находятся на пути перехода к качественно новому этапу: трансформации потребительского поведения в «ответственное», отвечающего требованиям мировой экополитики. Однако достичь показателей международных рейтингов развитых стран Китаю и России пока не удастся. В целом по «природным» показателям место России несколько выше, чем позиции Китая, но во всех случаях показатели ниже среднего уровня. Проведенное сопоставление данных подтвердило, что экологические проблемы стали частью национальных политик в обеих странах, о чем свидетельствуют заметные положительные сдвиги экологических показателей. Пожалуй, главным препятствием является наблюдаемая пассивность общественного контроля, что предопределяет недостаточность успехов обеих стран, не дает возможности их правительствам в полной мере реализовывать

² Экология в России. 02.2022. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экология_в_России (дата обращения: 13.03.2022).

имеющийся потенциал. Острота проблемы настоятельно требует включения в нее совместных усилий государственных органов, предприятий, благотворительных организаций и всех жителей.

Источники

Аксенова О. В. Развитие экологической политики в России // Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И. А. Халий. — М., 2006.

Антонну Гутерриш. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. — 2021. — 21 апр.

Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Сравнительный анализ экологической модернизации в Китае и России // Известия Самарского научного центра РАН. — 2012. — Т. 14, № 1 (9). — С. 2423–2430.

Кулясов И. П. Этапы развития теории экологической модернизации // Национальная ассоциация ученых. Ежемесячный научный журнал. — 2015. — № 14. — С. 12–17.

Матвеев В. А. Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2021. — № 26. — С. 37–351.

Мерзляков А. А. Оценка состояния отечественной системы управления: итоги социологического мониторинга // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. — М., 2022. — Вып. 20. — С. 80–103. — DOI: 10.19181/ezheg.2022.3.

Миняева Д. Д. Экологизация экономики в Китае // Конфликтология. Notabene. — 2016. — № 1. — С. 24–38.

Мозиас П. М. Экологическая политика в Китае или вверх по лестнице, ведущей вниз? — 2016. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-v-kitae-vverh-po-lestnitse-veduschey-vniz/viewer> (дата обращения: 30.04.2023).

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньцзы; пер. с англ. под ред. Н. И. Лапина. — М.: Весь Мир, 2011.

Пименова П. Д. Экологический кодекс РФ: миф или будущее // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 41–52.

Субботин А. К. Глобальный кризис и экология: Механизмы сдерживания катастрофы в Европе, России и США // Актуальные проблемы Европы. — 2014. — № 1. — С. 12–48.

Яницкий О. Н. Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика. — М.: Ин-т социологии РАН, 2016.

Цинь Тинтин. Экологическая политика Китайской Народной Республики на современном этапе // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — Т. 6, № 2А. — С. 283–298.

Buttel F. Ecological modernization as social theory // *Geoforum* 31. — Pergamon: Elsevier Science Ltd., 2000.

He C., Zhang F. *National Innovation System: Engine of Second Modernization* (Chinese edition). — Beijing: High Education Press, 1999. — P. 127.

He C. *Second Modernization: Inspiration From Human Civilization Process* (Chinese edition). — Beijing: High Education Press, 1999. — P. 256.

Huber J. Towards industrial ecology: sustainable development as a concept of ecological modernization // *J. Environ. Policy & Planning*. — 2020. — No. 2. — P. 269–285.

Mol A. The environmental movement in an era of ecological modernization // *Geoforum* 31. — Elsevier Science Ltd. — 2000, Febr. — Vol. 31. — P. 45–56.

Jiang W. China's environmental issues in a global context // *Seeing Red China*. — 2012, March. — No. 7. — P. 1–3.

References

Aksenova O. V. Development of environmental policy in Russia. *Institutionalization of environmental policy in Russia: social practices, state strategy, management decisions*. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, 2006. (In Russ.)

António Guterres. Climate action for people and planet: the time is now. *Independent Newspaper*, 2021, April 21. (In Russ.)

Buttel F. Ecological modernization as social theory. *Geoforum* 31. Pergamon, Elsevier Science Ltd., 2000.

China Modernization Report Outlook (2001–2010). Ed. He Chuanqi, transl. from English. Ed. by N. I. Lapin. Moscow, The whole World, 2011. (In Russ.)

He C., Zhang F. *National Innovation System: Engine of Second Modernization (Chinese edition)*. Beijing, High Education Press, 1999, p. 127.

He C. *Second Modernization: Inspiration From Human Civilization Process (Chinese edition)*. Beijing, High Education Press, 1999, p. 256.

Huber J. Towards industrial ecology: sustainable development as a concept of ecological modernization. *J. Environ. Policy & Planning*, 2020, no 2, pp. 269–285.

Jiang W. China's environmental issues in a global context. *Seeing Red China*, 2012, no 7, March, pp. 1–3.

Kudinova G. E., Rosenberg G. S. Comparative analysis of ecological modernization in China and Russia. *Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2012, vol. 14, no 1 (9), pp. 2423–2430. (In Russ.)

Kulyasov I. P. Stages of development of the theory of ecological modernization. *National Association of Scientists. Monthly scientific journal*, 2015, no 14, pp. 12–17. (In Russ.)

Matveev V. A. The fight against climate change — a new arena of confrontation between China and the USA. *China in world and regional politics. History and modernity*, 2021, no 26, pp. 37–351. (In Russ.)

Merzlyakov A. A. Assessment of the state of the domestic management system: the results of sociological monitoring. *Russia reforming: yearbook*: iss. 20. Ed. by M. K. Gorshkov; FNISTC RAS. Moscow, 2022, p. 80. (In Russ.)

Minyaeva D. D. Ecologization of the economy in China. *Conflictology. Nota bene*, 2016, no 1, pp. 24–38. (In Russ.)

Mozias P. M. *Environmental policy in China or up the ladder leading down?* 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-v-kitae-vverh-po-lestnitseveduschey-vniz/viewer>.

Mol A. The environmental movement in an era of ecological modernization. *Geoforum* 31. Elsevier Science Ltd., 2000, vol. 31, Febr., pp. 45–56.

Pimenova P. D. Ecological Code of the Russian Federation: myth or the future. *New Legal Bulletin*, 2021, no 9 (33), pp. 41–52. (In Russ.)

Subbotin A. K. Global crisis and ecology: Mechanisms of disaster containment in Europe, Russia and the USA. *Actual problems of Europe*, 2014, no 1, pp. 12–48. (In Russ.)

Yanitsky O. N. *Ecosocial Research: Interdisciplinary Methodology, Theory, Practice*. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. (In Russ.)

Qin Tingting. Environmental policy of the People's Republic of China at the present stage. *Theories and problems of political research*, 2017, vol. 6, no 2A, pp. 283–298.

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
eremag@mail.ru

Меньшикова Галина Александровна, кандидат экономических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
menshikova.g.a@mail.ru

Яо Пуян, бакалавр факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
blacklotus1551@gmail.com

Eremicheva, Galina V., PhD, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS-branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
eremag@mail.ru

Menshikova, Galina A., PhD, Assistant Professor at the Department of Sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
menshikova.g.a@mail.ru

Yao Puyang, student, department of sociology, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
blacklotus1551@gmail.com